

— Кто его знает?

Получив женьшень, мысли Бай Фу уже улетели в другое место. Он с несколькими доверенными людьми уже наелся и хотел поскорее вернуться, проверить женьшень. Хотя этот паршивец Бай Иньфэн говорил о лекарственных материалах весьма убедительно, он всё равно не знал, выгодная ли покупка или нет. Слыша, как их болтовня заходит всё дальше, он велел Бай Иньфэну продолжать составлять компанию за вином, а сам с доверенными людьми ушёл первым.

Бай Иньфэн тоже не придавал этому значения, продолжив пить и болтать с Цзяо Бо.

— Брат Цзяо широко эрудирован, наверняка побывал во многих местах? Очень завидую.

— Эх, просто есть немного вонючих денег, вот и всё. А вот героям мира рек и озёр действительно можно позавидовать. Жаль, в детстве упустил возможность, не смог заниматься боевыми искусствами, теперь кости затвердели, не получается. Брат Бай, если будут новости о Пилюле великого бессмертного, обязательно сообщи мне. У брата ничего нет больше, кроме денег.

Он достал из-за пазухи маленькую шкатулку, открыл и показал Бай Иньфэну. Внутри лежала большая, идеально круглая и гладкая жемчужина, перекатывающаяся.

— Восточная жемчужина? — Бай Иньфэн опешил. Эта восточная жемчужина по сравнению с тем драгоценным женьшенем действительно трудно сказать, что ценнее.

— Дома у меня есть жемчужины и побольше этой. С братом Бай мы сошлись характерами, эту отдаю брату Бай.

— Брат Цзяо, ты что, пьян?

— Я не пьян! Такую большую кружку я могу выпить ещё... десять!

Бай Иньфэн тут же онемел. Не ожидал, что Цзяо Бо уже давно пьян, и он столько времени разговаривал с пьяницей. Странно, что Цзяо Бо выпил не так уж много, а уже пьян.

Он спросил Цзяо Бо, в какой гостинице тот остановился. Цзяо Бо в полусне ответил невнятно. Бай Иньфэн расплатился по счёту, поддержал человека и поселил в ближайшей гостинице, ту шкатулку тоже помог засунуть обратно за пазуху.

Цзяо Бо был человеком великодушным и щедрым, Бай Иньфэн им восхищался, потому, поддерживая его в комнату, не роптал. Наоборот, почувствовал, что от него исходит смешанный аромат сосновых иголок, лекарственных трав и кожи, довольно приятный.

На следующий день Бай Иньфэн и Бай Фу снова отправились в усадьбу евнуха Вана. Просидев в цветочном зале два часа, так что животы уже заурчали от голода, их наконец принял молодой учёный.

Тот учёный был элегантен и представился как Ван Цянь. Поговорив с Бай Иньфэном всего несколько фраз, он спросил, учился ли тот, получал ли образование. Бай Иньфэн, не обращая внимания на подмигивания Бай Фу сбоку, очень прямо ответил, что нет.

Уголок рта Ван Цяня дёрнулся, но он ничего не сказал, принял их подарки и образцы товара, пообещав поговорить за них перед евнухом Ваном.

Если ничего непредвиденного не случится, дело можно считать почти сделанным. Бай Иньфэн почувствовал прилив бодрости и, выйдя, сказал Бай Фу:

— Обещанные деньги не забудь!

— Деньги? Ты ещё хочешь денег? Хорошо мечтаешь! Ты же всё испортил, понимаешь?

— Что я испортил?

— Евнух Ван больше всего любит учеников, достигших успехов в учёбе. Даже если ты неуч, нельзя говорить, что не учился! Это неуважение к его превосходительству!

— Ну не учился я, и что? Я же их рис не ел! Говорю тебе, не ищи отговорок, чтобы не платить! Иначе посмотрим, согласятся ли мои кулаки!

Бай Фу, поняв, что его намерения раскусили, хмыкнул и смягчил тон:

— Подождём результатов. Если сделка не состоится, нам всем несдобровать!

— Будь на все сто спокоен. Если он не примет тот женьшень, ещё куда ни шло, но раз принял — сделка точно состоится.

— Почему так?

— Я разузнал. Нынешний император мудр и доблестен, с самого восшествия на престол расследовал множество коррумпированных чиновников. В дальних местах не знаю, но сейчас мы у самого подножия трона, у корней императорского города, никто не посмеет брать взятки и не выполнять обещанного.

— Надеюсь, что так, эх...

Бай Фу был полон тревоги, а Бай Иньфэн уже давно отбросил эти мысли.

На его взгляд, лучше бы семье Бай не удалось заключить эту сделку. Иначе, если действительно наладят торговый путь в столицу, да ещё станут императорскими поставщиками, окажутся у всех на виду, и любая ошибка будет использована против них. Но судя по натуре семьи Бай, они не откажутся. Все в семье Бай гонятся за прибылью, даже к своим скупы, поколения считаются по иероглифам «сто тысяч установленного серебра, восемьдесят тысяч лянов золота», вся семья погрязла в деньгах.

Говоря об этом, он невольно стал беспокоиться о следующем поколении семьи Бай. Как раз подходит иероглиф «восемь» — «Бай Восемь», как ни назови, звучит некрасиво. Раньше он ещё ворчал на своё имя, а теперь видит, что есть и хуже, тайно радуется!

Бай Иньфэн снова пошёл разыскивать Цзяо Бо, проверить, протрезвел ли тот. Цзяо Бо уже освободил номер, оставив ему сообщение, что такого друга, как Бай Иньфэн, он завёл твёрдо, если что — можно искать его в Ляодуне, любой более-менее крупный торговец женьшенем знает его, Цзяо Бо, а сам он после просмотра зрелищ в Центральных равнинах, скорее всего, вернётся домой.

Бай Иньфэн был в недоумении: ладно, если что случится, придётся за тысячу ли ехать в Ляодун, да ещё не факт, что найдёшь человека.

Вернувшись в гостиницу, поужинав, не обращая внимания на озабоченного Бай Фу, он сладко

проспал всю ночь. На следующее утро рано встал, отработал комплект кулачного искусства и комплект фехтования, отправился на рынок побродить, купил и попробовал всё, что хотел. Если бы Сяоу тоже был, они могли бы разделить, а так каждой штуки по одной порции — многовато.

Он хотел сразу пойти в Храм Саньшань найти человека, но побоялся, что если придёт рано, у Сяоу может не быть времени. Поэтому ещё немного побродил по улицам, увидел лоток с лепными фигурками из теста, постоял, посмотрел, заказал слепить красивого маленького даоса.

Жаль только, что мастер, выслушав его долгие описания, видимо, не видел прекрасной внешности Тан Сяоу, и вылепленная фигурка не имела и одной десятитысячной доли обаяния оригинала.

Бай Иньфэн остался недоволен, высказал мастеру много замечаний. Мастер отодвинул кусок теста, закатил глаза:

— Может, сам попробуешь?

Бай Иньфэн пришлось недовольно заплатить, взять фигурку и уйти.

Договорились на вечер, если придёт рано, придётся долго ждать. Но он не хотел возвращаться в гостиницу и паяльничать с Бай Фу друг на друга, поэтому побродил до «Собрания бессмертных».

Мельком взглянув, он увидел, что у входа в «Собрание бессмертных» уже ждёт мужчина в даосском одеянии. Взглянув ещё раз, он снова почувствовал, что этот человек ещё более бессмертно-благороден, лёгкий ветерок колышет его одежду, словно он вот-вот воспарит и улетит.

— А У! А У! — Бай Иньфэн усердно замахал рукой.

Оказалось, братец Сяоу всё же помнит о нём, даже пришёл раньше него.

Тан Сяоу обернулся и вошёл в «Собрание бессмертных». Бай Иньфэн поспешил за ним.

— А У, ты так рано пришёл, заставил тебя ждать.

Тан Сяоу не ответил. Приблизившись, Бай Иньфэн заметил, что его лицо немного бледное, цвет лица не очень.

— Что с тобой? Не заболел?

Тан Сяоу взглянул на него, голос звучал отрешённо:

— Ничего, просто желудок немного расстроился, может, позже не смогу есть.

— Живот прихватило? — с беспокойством спросил Бай Иньфэн.

— Не знаю... Я пульс пощупал, ничего серьёзного, через пару дней пройдёт.

— Тогда хочешь паровой омлет, жареную рыбку, домашний тофу? Хочешь — старший брат Фэн приготовит тебе.

Тан Сяоу искоса взглянул на него:

— Если не воспользуешься случаем занять моё место, мы ещё будем хорошими братьями.

— Так хочешь или нет?

— Хочу!

Когда они жили в долине, Чжун Сюй, поскольку её сын был смышлёным и мог усидеть на месте, передала ему сложные знания о пяти элементах, восьми триграммах и врачевании, а Бай Иньфэн, будучи живым и непоседливым, получил от приёмной матери боевые искусства и кулинарию. Планировала передать остальное, когда они подрастут, но неожиданно рано ушла из жизни.

Кулинарные навыки Бай Иньфэна, хотя и далеки от мастерства топовых поваров, но переданы от Чжун Сюй в истинном виде. Когда Тан Сяоу не мог есть, Бай Иньфэн готовил пару блюд, и тогда появлялся аппетит. Для Тан Сяоу это был вкус из памяти о матери, естественно, необыкновенный.

— Это тебе. — Бай Иньфэн сунул ему в руки фигурку из теста. — Я пойду на их задний двор, попрошусь на кухню, а ты найди уединённую комнату и жди!

Тан Сяоу взял фигурку, глядя на то, как маленький даос-юноша отдалённо напоминает его самого, невольно показал счастливую улыбку.

На кухни больших ресторанов обычно не пускают, и уж тем более не разрешают готовить. Если получится хорошо, ещё ладно, а если плохо — вполне может оказаться, что конкуренты специально пришли подставить, вынесут и скажут, что это их блюдо, тут уж не разберёшь. Конечно, если бы у Бай Иньфэна была власть или деньги, дело было бы другим.

Бай Иньфэн уговаривал как мог, но другие твёрдо отказывались. Пришлось ему, расстроенному, уйти с Тан Сяоу, бросив фразу «Не унижай молодых за бедность». Тан Сяоу, хоть и выглядел болезненным, улыбался, в глазах рождалась бесконечная жизненная сила.

<http://bllate.org/book/15610/1393478>